

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ЦАРСКОЕ ДЕЛО

ЭКСМО

Дела следователя Воловцова

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Царское дело

«ЭКСМО»

2013

Сухов Е. Е.

Царское дело / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2013 — (Дела следователя Воловцова)

В декабре 1902 года Москву облетела новость о жестоком двойном убийстве: в собственном доме в Хамовниках были зверски зарублены жена и старшая дочь известного австрийского пивовара Алоизия Кара. Расследование громкого преступления взял в свои руки начальник сыскного отделения Владимир Лебедев, который считал, что убийство совершил не кто иной, как сын пивовара Александр. Но Лебедев так и не смог найти неопровержимых доказательств его вины, и уголовное дело вскоре было приостановлено. И вот спустя год по велению Николая II расследование двойного убийства в Хамовниках было возобновлено. Теперь его поручили выдающемуся судебному следователю и талантливому психологу Ивану Федоровичу Воловцову...

© Сухов Е. Е., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгений Сухов

Царское дело

Глава 1

Маниакальный дворник, или Новое «дело» Ивана Федоровича Воловцова

Иван Федорович почесал пятерней пробивающуюся проплешину и крепко задумался. Карьера в России – вещь зачастую непредсказуемая и замысловатая. Можно лет семь добираться от коллежского регистратора до губернского секретаря, а можно года за четыре вырасти от титулярного советника до коллежского.

А что такое коллежский советник?

Во-первых – это уже «его высокоблагородие».

Во-вторых – два просвета в петлицах.

Ну а в-третьих – не за горами маячившая должность прокурора статской коллегии.

Словом, коллежскому советнику Ивану Федоровичу Воловцову, судебному следователю по наиважнейшим делам, уже два года как служившему в Департаменте уголовных дел Московской судебной палаты, жаловаться на судьбу было грех. Впрочем, перевод его из Рязани в Первопрестольную был вполне заслуженным: несколько раскрытых громких дел, прогремевших на всю Российскую империю, и орден Святого Станислава третьей степени, полученный из рук самого генерал-губернатора, красноречиво свидетельствовали об его таланте сыщика. За состоявшимся переводом в девятьсот первом году последовало назначение чина коллежского советника, что, несомненно, вызывало уважение его нынешних сослуживцев. А ему новое положение давало возможность вести себя в следственном деле весьма независимо, не оглядываясь на расположение и волю высокого начальства. Жалованье в семьсот пятьдесят рублей плюс казенная квартира в Кавалерском корпусе, где проживали сенатские и судебные чиновники, тоже было весьма нехудо.

Иван Федорович только что закончил следствие по делу «маниака» Нурмухаметова, дворника и привратника днем и душителя и насильника – ночью. Как впоследствии оказалось, Габдрахман Нурмухаметов страдал тяжелой бессонницей и после двухмесячного бодрствования и дремы урывками по часу-полтора стал поначалу галлюцинировать и заговариваться, а потом как-то замкнулся в себе и, очевидно, тронулся рассудком. По крайней мере, трудно было объяснить здравым смыслом его преступные деяния. Ночью Нурмухаметов заходил в какой-нибудь притон, покупал самую что ни на есть заваливающую блудницу за пятиалтынный или двугривенный, раздевал донага, избивал и, засунув в рот кляп из тряпок и ветоши, насиловал. Именно насиловал, неистово и немилосердно, хотя, заплатив деньги, мог просто реализовывать свое «законное» право на получение телесного удовольствия. После подобных действий Габдрахман Нурмухаметов душил несчастную и разбивал ей лицо молотком, который постоянно носил в специально пошитом внутреннем кармане чекмена.

Бывало, что «маниак» пребывал в ином настроении, а может, просто не имел должных денег, в этом случае он поджидал свою жертву близ какого-нибудь притона в арке или в проходном дворе, чаще всего неосвещенном, куда любят заглядывать падшие женщины или прячутся от преследования «марухи» и воровки разных мастей, и очень терпеливо, удавом, вышедшим на охоту, ждал своего часа. А потом стремительно набрасывался на жертву, оглушал ее молотком и совершал гнусное дело...

Так Габдрахман Нурмухаметов лишил жизни, истерзав до неузнаваемости, от двенадцати до пятнадцати проституток и девиц легкого поведения (точного числа жертв так и не удалось установить), а также купеческую дочку Настасью Крашенинникову с ее гувернанткой Софьей Ступициной, которые возвращались ночью домой на извозчике после затянувшейся вечеринки. Еще на совести бывшего дворника была смерть довольно известной поэтки-эгоэстетки Аделаиды Казимировны Герцингер, нанюхавшейся германского марафету из аптеки братьев Штуцер и заблудившейся потом в московских тупичках и переулках. И хотя лица Крашенинниковой и Ступициной представляли сплошь кровавое месиво, они были узнаны несчастными родителями Насти Крашенинниковой и близким другом Софьи Ступициной, держателем атлетического клуба «Геркулес» Федором Коноваловым-Быковским, по одежде. Аделаиду Герцингер же, несмотря на то, что ее голова не имела ни единой целой косточки, признали по родимому пятну в виде сердечка на левой ягодице поэты-символисты Константин Бальмонт и Валерий Брюсов.

Следует заметить, что именно привычка «маниака» разбивать молотком лица своих жертв до неузнаваемости и послужила возможностью для обвинителя суда Нестора Ивановича Кусакина настаивать на вменяемости Нурмухаметова. Ибо зачем разбивать жертве лицо? Чтобы ее не удалось потом установить. А стало быть, не дать возможности розыску выйти на него, Нурмухаметова. Однако присяжные заседатели все же единогласно признали Габдрахмана Нурмухаметова душевнобольным, о чем и объявил суду их старшина. В головах присяжных просто не укладывалась столь необъяснимая и ничем особым не вызванная жестокость маниакального дворника. И его дело постановлением суда, к большому неудовольствию общественности, было передано в судебную палату «для обращения его к исследованию по вопросу о состоянии умственных способностей подсудимого во время совершения преступлений».

Ведение исследования вменили в обязанность судебному следователю Ширококову, а Ивану Федоровичу было поручено довести до конца дело о двойном убийстве в Хамовниках – жены и старшей дочери главного пивовара хамовнического пиво-медоваренного завода, австрийского подданного Алоизия Осиповича Кары – и нанесении тяжких телесных повреждений его младшей дочери, повлекших за собой телесный паралич и полную невменяемость. Воловцов помнил это дело, год назад наделавшее столько шума в Москве. Убийца найден не был, дело легло на полку нераскрытых преступлений, но Алоизий Кара не успокоился и подал прошение на имя Государя Императора о защите интересов и прав иностранного подданного. Император поддержал несчастного вдовца, потерявшего практически еще и вторую дочь, и обратился в Сенат с просьбой провести новое следствие. Губернской прокуратуре ничего не оставалось делать, как только взять под козырек и приступить к исполнению государственного указания. Новое расследование немедленно получило статус «наиважнейшего» и было поручено московским окружным прокурором, статским генералом Завадским, Ивану Федоровичу Воловцову, с предоставлением ему самых широких полномочий. Все бумаги по этому делу, составляющие две толстенные папки, были ему немедленно выданы, и Воловцов тотчас приступил к ознакомлению с этим крайне запутанным делом...

Суть дела была следующей...

Пятнадцатого декабря прошлого года, в субботу, после того как напольные часы в квартире доктора Бородулина пробили половину девятого вечера, его прислуга Наталья Шевлакова проводила наконец крестьянина Власа Архимандритова, девяносто восьми лет от роду, сорок минут просидевшего у доктора с жалобами на свои старицкие болячки. Она спустилась с ним со второго этажа, где квартировал доктор, в общие сени, пожелала старику здравствовать столько же лет, сколько он прожил, на что Влас Архимандритов лишь сдержанно ответил: «Благодарствуйте». Раскрыла перед ним парадные двери, которые до этого были не заперты, и, слегка подтолкнув старика к выходу, заперла за ним двери на крюк. Облегченно выдохнув –

ибо старикан Влас уже замучил своими частыми приходами и доктора, и прислугу, – Наталья Шевлакова поднялась в квартиру, заперла дверь передней и направилась в кухню. В это время она и услышала топот в общих сенях. Затем хлопнула парадная дверь, и через несколько мгновений кто-то бегом стал подниматься к ним. Потом раздался нетерпеливый звонок, и когда она открыла входную дверь, то увидела Александра Кару, младшего сына Алоизия Осиповича, который снимал квартиру этажом ниже. Александр был страшно взволнован, губы его дрожали, и он едва смог произнести:

– Доктора!

– Что случилось? – спросила Шевлакова, крайне пораженная бледностью лица соседа, но тот ничего не ответил, грубо (как показалось прислуге) оттолкнул ее и бросился в комнаты. Завидев доктора, сидевшего на диване с газетой в руках, он воскликнул:

– Убили... Убили! – а потом схватил доктора за руку и силой потащил за собой.

Бородулин едва успел захватить докторский саквояж из передней, настолько сильно тащил его Александр Кара. Спускаясь по ступеням второго этажа, он попытался возмутиться подобным обращением с ним молодого человека, годящегося ему по возрасту в сыновья, однако, когда они ступили в квартиру Кары, возмущение доктора сменилось оторопью и неподдельным ужасом: мать Александра и его сестра Марта были зверски убиты. Младшая сестра Ядвига, семи лет от роду, еще подавала слабые признаки жизни, и ей надлежало немедленно оказать первую помощь или хотя бы остановить фонтанирующую кровь.

Немедленно была вызвана полиция, и явившийся через четверть часа помощник пристава Яков Холмогоров составил протокол происшествия. Согласно протоколу в квартире главного пивовара хамовнического завода, австрийского подданного Алоизия Осиповича Кары, что составляла одиннадцать комнат и находилась в доме мещанки Стрельцовой на углу Хамовнического и Божениновского переулков, были обнаружены два трупа и девочка семи лет со слабыми признаками жизни.

Первый труп принадлежал супруге Алоизия Осиповича Юлии Карловне, матери Александра Кары. Она лежала ничком в столовой головой к двери в растекающейся луже крови.

Ужасающее зрелище представлял труп дочери Алоизия Осиповича Марты, восемнадцати лет от роду. Тело Марты находилось в комнате в дальнем конце квартиры. Она сидела на табурете за пианино. Туловище было запрокинуто назад, разбитая голова, свисая, касалась пола, и под ней тоже была багряная лужа, в которой плавали вытекшие мозги. Позади нее, головой к двери, лежала младшая дочь Кары Ядвига. Последняя, так и не пришедшая в сознание после оказания помощи доктором Бородулиным и вызванным ему на подмогу профессором медицинских наук доктором Прибытковым, была отправлена в карете «Скорой помощи» в университетскую клинику для проведения немедленной операции.

Согласно актам судебно-медицинской экспертизы и вскрытия, проведенного по случаю столь ужасного преступления в самые кратчайшие сроки, было установлено, что супруга Алоизия Осиповича Юлия Карловна и его дочь Марта убиты вследствие нанесения им ударов топором или подобным ему тяжелым предметом. Юлия Карловна Кара скончалась от четырех ударов, два из которых были нанесены по темени и еще два – по левой стороне головы, отчего случились двойной пролом черепа и перелом его основания. Марте Каре было нанесено пять ударов тем же предметом, причем два пришлось по темени и проломили череп, еще два – по нижней челюсти, и один – по животу. Маленькой же Ядвиге преступник нанес всего два удара – по затылку и темени, в результате чего был проломлен череп и частично задет мозг. Предполагаемое орудие столь ужасного преступления – окровавленный колун – был найден на кухне возле стола.

В спальне четы Кара, где хранилось семейное добро, прямо на полу возле входа валялись два кредитных билета достоинством в пятьсот и сто рублей.

Сундучок возле стены, стоявший на коврике, был открыт. Наружная часть замка имела царапины, однако механизм замка испорчен не был: либо преступник открыл его отмычкой, либо замок сундучка и вовсе не был заперт и царапины на нем случились ранее, еще до печального события. В сундучке хранились золотые и серебряные вещи, а в особой деревянной коробочке – деньги, в сумме одна тысяча триста пятьдесят рублей. Причем два кредитных билета были по пятьсот рублей, три – достоинством в сто рублей, и одна кредитка – в пятьдесят целковых. Коробочка валялась неподалеку и была пуста. Как выяснилось позже, все драгоценные вещи и изделия, равно как и холщовый мешочек черного цвета с закладными листами Московского Земельного банка и кожаный портфель с разными документами, оказались нетронутыми. Пропали только наличные банкноты, хранившиеся в коробочке, а именно семьсот пятьдесят рублей, поскольку из хранившихся в коробочке кредитных билетов на сумму одна тысяча триста пятьдесят рублей две кредитки – в пятьсот и сто рублей, что лежали у входа в спальню, – были именно из нее. Очевидно, преступник страшно торопился, или его спугнул побежавший на крики несчастных жертв Александр Кара. Скорее всего, судя по протоколу допроса самого Александра Кары, именно так все и происходило. Только вот допросить его удалось не сразу. Кар все время срывался с места и выбегал то в столовую, то в комнату Марты, где доктор Бородулин и профессор Прибытков оказывали раненой Ядвиге посильную помощь. Один раз помощник пристава Холмогоров услышал, как Александр что-то бормочет под нос, и даже различил слова:

– Жива... Все еще жива...

И вообще, душевное здоровье Александра Кары внушало серьезное опасение, что и заметил помощник пристава Холмогоров. О своих опасениях он немедленно сказал доктору Бородулину. Тот в ответ лишь сдержанно кивнул и, оторвавшись от хрипло дышащей Ядвиги, сунул в руку Холмогорова какой-то порошок, завернутый в бумажку.

– Разведите этот порошок в стакане воды и заставьте его тотчас выпить, – произнес доктор и снова занялся вместе с Прибытковым несчастной Ядвигой. – А еще через полчаса, но никак не ранее, – не оборачиваясь к помощнику пристава, добавил он, – вы сможете его допросить...

Иван Федорович Воловцов внимательно принялся изучать предоставленное дело.

Из протокола допроса Александра Кара вечером 15 декабря 1902 года:

«ХОЛМОГОРОВ: Расскажите, пожалуйста, как вы провели сегодняшний день.

КАРА: Весь день? С самого утра?

ХОЛМОГОРОВ: Да, с самого утра.

КАРА: Я, как всегда, встал рано, вместе с отцом. Напившись с ним чаю, мы отправились на завод. Отец обучал меня пивоваренному делу и видел во мне наследника своего дела...

ХОЛМОГОРОВ: Вы ведь не единственный сын Алоизия Осиповича, причем младший, верно?

КАРА: Понимаю ваш вопрос... Да, верно. У нас большая семья. Кроме сестер (долго молчит, похоже, едва сдерживая рыдания и слезы), у меня еще два брата: Юлий и Иосиф, оба старше меня.

ХОЛМОГОРОВ: Тогда почему именно вас ваш батюшка видел в своих преемниках?

КАРА: Почему меня? Потому что для братьев он оставил во владение пивоваренный завод в Саратове. Они в данное время там и находятся...

ХОЛМОГОРОВ: Хорошо. Продолжайте...

КАРА: После пребывания с отцом на заводе я отправился на Лубянку... Да, в двенадцать часов мы вместе с ним отообедали, и потом я отправился на Лубянку, где беру уроки ведения бухгалтерии на специальных курсах.

ХОЛМОГОРОВ: Курсы платные?

КАРА: Да.

ХОЛМОГОРОВ: А кто их оплачивает?

КАРА: Отец.

ХОЛМОГОРОВ: А что за письмо вы получили утром, еще до ухода с Алоизием Осиповичем на завод?

КАРА (вспыхнув): Это письмо было от моей девушки...

ХОЛМОГОРОВ: Вашей? Вы помолвлены?

КАРА: Н-нет. Но это пока, поскольку год назад мной было сделано предложение и получено согласие как от нее самой, так и от ее матери. При условии, что я устрою свое положение и получу полное согласие от своих родителей.

ХОЛМОГОРОВ: Как зовут вашу девушку?

КАРА: Смирнова. Смирнова Клавдия Матвеевна.

ХОЛМОГОРОВ: Простите, но не могли бы вы в двух словах рассказать о содержании полученного письма?

КАРА: Это обязательно?

ХОЛМОГОРОВ: Это желательно.

КАРА: Хорошо. Клавдия Матвеевна сообщала мне, что завтра уезжает из Москвы и просит вечером зайти к ней...

ХОЛМОГОРОВ: Прошу прощения, а куда уезжала ваша невеста?

КАРА: В Боровск...

ХОЛМОГОРОВ: С какой целью?

КАРА (хмурится): Неужели это важно?

ХОЛМОГОРОВ: Важно все...

КАРА: Цель ее поездки мне неизвестна.

ХОЛМОГОРОВ: Что ж, благодарю вас. Продолжайте о том, что вы делали далее в течение сего дня.

КАРА (с некоторым воодушевлением): По окончании занятий на курсах я направился в магазин господина Хлебникова, чтобы купить подарок Клавдии Матвеевне. Потом взял извозчика и поехал к портному, господину Цыпленкову. Там я увидел понравившийся мне смокинг и велел немного переделать его под себя к вечеру. В шесть часов пополудни я вернулся домой, и мы все вместе поужинали. Как оказалось, это был... последний наш... совместный ужин... (Некоторое молчание.) В начале восьмого я поехал к Цыпленкову, чтобы забрать смокинг и еще жилет к нему. К этому времени отец уже уехал на свои субботние собрания чешского земледельчества. Он всегда ездит по субботам на эти собрания...

ХОЛМОГОРОВ: А когда возвращается?

КАРА: Где-то в час пополудни.

ХОЛМОГОРОВ: Хорошо, продолжайте...

КАРА: В начале девятого я вернулся домой со смокингом и жилетом и стал готовиться к визиту...

ХОЛМОГОРОВ: А что за подарок вы купили своей девушке, позвольте полюбопытствовать?

КАРА: Колечко...

ХОЛМОГОРОВ: Золотое небось?

КАРА (смущенно): Да, золотое... С камушком.

ХОЛМОГОРОВ: Ясно. Любимому человеку ничего не жалко, факт. Верно, немалые расходы понесли: колечко, смокинг, жилет... Вы ведь покудова нигде не служите, как я полагаю?

КАРА: Не служу. Но у меня весьма состоятельный отец, и он не стесняет меня в средствах...

ХОЛМОГОРОВ: Я понимаю... А скажите, дверь парадной, когда вы возвращались от портного, была открыта или заперта?

КАРА: Заперта. Мне открыл Василий Титов.

ХОЛМОГОРОВ: Это слуга вашего отца?

КАРА. Скорее слуга всей семьи.

ХОЛМОГОРОВ: А дальше, что происходило дальше?

КАРА: Дальше я вспомнил, что надо бы, помимо подарка, купить для Клавдии Матвеевны конфеты. Она очень любит карамельки, и я послал Титова за ними.

ХОЛМОГОРОВ: Куда, позвольте полюбопытствовать?

КАРА: В магазин Карцева, что на углу Долгого переулка.

ХОЛМОГОРОВ: Дальше, пожалуйста...

КАРА: Потом я отослал домой девочку Настю, что живет во дворе дома и приходит играть к Ядвиге.

ХОЛМОГОРОВ: Зачем?

КАРА: Было уже поздно. К тому же после шумных игр под вечер Ядвига плохо спит и часто плачет во сне.

ХОЛМОГОРОВ (с участием): Вы очень любите Ядвигу?

КАРА (сдавленным голосом): Очень. И матушку, и Марту я тоже очень... любил...

ХОЛМОГОРОВ: Скажите, вы отправили девочку Настю через парадную дверь дома?

КАРА: Нет. Она живет во дворе дома, и ей удобнее через черный ход. К нему я ее и проводил.

ХОЛМОГОРОВ: Вы его закрыли за ней?

КАРА: Да, закрыл на щеколду.

ХОЛМОГОРОВ: А парадный вход после ухода вашего слуги так и остался открытым?

КАРА: Наверное.

ХОЛМОГОРОВ: Вы ведь его не провожали до входа?

КАРА: Нет, не провожал.

ХОЛМОГОРОВ: Что происходило дальше?

КАРА: Я стал поджидать Василия Титова с конфетами, но он почему-то все не шел. Потом я услышал крик из комнаты Марты. Очень страшный крик. Я побежал туда и увидел...

ХОЛМОГОРОВ: Где вы находились, когда услышали крик?

КАРА: На кухне.

ХОЛМОГОРОВ: Прошу прощения, но я просто *принужден* задать вам этот вопрос: что вы увидели?

КАРА: Это было ужасно... (Закрыв лицо ладонями.) Я увидел истекающих кровью Марту и Ядвигу. Я подбежал к Марте. Она была мертва. Но Ядвига была еще жива. Не помня себя, я побежал обратно через кухню в переднюю, чтобы через общие сени выбежать на лестницу и позвать на помощь доктора Бородулина, и в это время увидел спину человека, который вбежал в переднюю из залы впереди меня. Он выскочил в сени и буквально вылетел на улицу – мне было его уже не догнать. Да я, кажется, и не подумал об этом. Мои мысли были о том, что, может быть, еще возможно спасти Ядвигу. Поэтому я бросился на второй этаж и стал звонить к доктору. Когда он пришел, я проводил его в комнату Марты и принялся искать матушку. Я нашел ее в столовой... Она лежала ничком в луже крови... Я кинулся к ней, стал тормошить, что-то кричал. Но она... (произнесено в отчаянии) она тоже была мертва...»

Иван Воловцов вдумчиво перелистывал запутанное дело страницу за страницей.

Приметы предполагаемого преступника были следующие: узкая спина, приподнятые плечи, бритый затылок. Одет в черное полупальто. Все это было записано помощником пристава Холмогоровым со слов Александра Кары. Маловато, конечно же, но все-таки лучше, чем

ничего. Под подозрение попали живший в Божениновском переулке и злоющий на всю Россию крестьянин Иван Гаврилов, отбывший четыре года в исправительном арестантском отделении, нищий немец Рауль Шнитке, побирающийся в Хамовниках, слуга семейства Кара Василий Титов и... сам Александр Кара.

Первым на подозрении был Иван Гаврилов, имевший прямо-таки зверский вид и презлющие глаза. Этот, похоже, вполне мог бы пришить и женщину, и двух девочек без всякого сожаления. Если бы он был драматическим артистом, а кто-либо из нынешних драматургов написал бы пьесу про Джека Потрошителя, то роль убийцы несчастных женщин поручили бы именно ему. Кроме того, у Ивана Гаврилова хоть плечи и не были столь уж узкими, однако имелись черное короткое пальто и бритый затылок. У него вообще вся голова была бритая...

Допрашивал его самолично их высокоблагородие Владимир Иванович Лебедев. И хотя фигура начальника сыскного отделения Лебедева в Москве была весьма известной, держался Гаврилов нагло и весьма уверенно, как подобает человеку, не причастному к преступлению. Хотя на половину девятого вечера 15 декабря никакого алиби он не имел.

– Был дома, – отвечал он с некоторым вызовом на вопрос Лебедева. – И чё с того?

– А кто это может подтвердить? – напирал главный московский сыскарь.

– Давид, – нахально посмотрел прямо в глаза сыщику Гаврилов.

– И кто этот Давид? – продолжал допытываться Владимир Иванович.

– А пес мой, – с усмешкой ответил Гаврилов и невольно втянул голову в плечи, поскольку нутром почувствовал, что сейчас схлопочет по уху, а то и в челюсть. Однако удара не последовало, и един бог ведает, сколь пришлось приложить усилий начальнику сыскной полиции Москвы, дабы не съездить наглецу по уху.

Гаврилова показали Александру Каре. Со спины. Кара в ответ только пожал плечами: не уверен, дескать, а оговаривать невинного человека и брать грех на душу, мол, не желаю, да и права такого не имею.

Все же Гаврилов был «оставлен в подозрении». Имелась у полицейских и прокурорских такая вот формулировочка, ни к чему особо не обязывающая, однако позволяющая при надобности или приказу начальства *досматривать* за «оставленным в подозрении», иначе – следить. Гласно или негласно, то бишь тайно...

У нищего немца Рауля Шнитке было все: и узкие приподнятые плечи, и латаное-перелатаное черное, вернее, грязное полупальто, и бритый затылок, поскольку, спасаясь от вшей, он остригся столь коротко, что оставил на маковке продолговатого и шишковатого черепа лишь короткую челочку наподобие той, какую носят дети барчуков и купчиков. Было и еще кое-что у нищего немца. А именно: алиби! В половине девятого его видели у храма Святителя Николая. Шнитке стоял у Святых Ворот и кушал яичко с солью. Посему, как подозреваемый, он вскорости перестал представлять интерес.

Выпал из подозрения и слуга семейства Кара Василий Титов. Он побывал в магазине Карцева и купил на девять гривен карамели (гривенник из полученного от Александра Кары рубля Вася утаил для собственных нужд). А в половине девятого мирно беседовал через калитку с горничной профессора Прибыткова Прасковьей Жабиной, очень живой и премиленькой молодой девушкой, весьма бойкой на язычок. Дом Прибытковых находится наискось от особняка Стрельцовой, а потому Титов не мог видеть выходящих из парадного. К тому же стоял он к дому Стрельцовой спиной, вернее, боком, поскольку глаз не сводил с хорошенькой Пашеньки. Стоял до тех пор, покуда она, сказавшись занятой, не ушла обратно в дом...

Сын пивовара Александр Кара попал под подозрение вследствие наличия пятен крови на рукавах пиджака, брюках и на груди белоснежной сорочки. И хотя он говорил, что обнимал и целовал мертвую мать и сестренку Ядвигу, вследствие чего и испачкался кровью, это мало принималось во внимание начальником отделения московской сыскной полиции Владимиром Ивановичем Лебедевым, принявшим дело о двойном убийстве в Хамовниках в свое ведом-

ство. Начальнику московского сыска было совершенно неясно, каким образом колун попал на кухню, где как раз и находился Александр Кара, дожидаясь Титова с конфетами. Колуну было самое место валяться в комнате Марты или, на худой конец, в спальне, где стоял драгоценный сундучок, куда душегуб мог прихватить его, опасаясь, что в квартире, кроме убиенных, мог находиться кто-то еще. Ведь, по словам Александра, убиец вбежал в переднюю из залы, в которую можно было попасть только из спальни или детской комнаты. А вот из кухни попасть прямо в спальню, равно как и наоборот, – нельзя никак...

Не смог вразумительно ответить Александр Кара и на вопрос Лебедева, откуда у него в кармане, помимо четырнадцати рублей, оказались новенький серебряный портсигар и серебряная спичечница, общей стоимостью семьдесят рублей. Хотя на вопрос главного сыскаря Москвы можно было ответить весьма незатейливо: купил-де, в магазине того же Хлебникова.

А почему не ответил?

Потому что полагал, что его ответ станут проверять. А ему бы этого очень не хотелось... Так, судя по всему, рассуждал начальник московской сыскной полиции Лебедев. На этой почве у него и обер-полицмейстера Москвы его превосходительства генерал-майора Дмитрия Федоровича Трепова произошел весьма неловкий разговор. Трепов, ознакомившись с делом о двойном убийстве в Хамовниках, просил Лебедева о скорейшем его разрешении, поскольку Алоизий Осипович Кара с покойной супругой были подданными иностранного государства, что накладывало на данное уголовное дело некий международный политический отпечаток. Лебедев браво отрапортовался, что главными подозреваемыми по этому делу являются крестьянин Иван Гаврилов, бывший арестант исправительного отделения, и сын Алоизия Осиповича Кары Александр.

– А сын-то тут при чем? – недовольно спросил Трепов, поводя широкими бровями.

– Во время совершения убийства он находился в квартире, – отвечал Лебедев. – Потом, колун, которым было совершено убийство трех человек, находился на кухне, куда он не мог быть занесен посторонним человеком, если таковой, конечно, был.

– Что значит «если таковой был»? – пристально посмотрел ему прямо в глаза обер-полицмейстер Трепов.

– А то, что этот человек в черном полупальто, с узкими приподнятыми плечами и бритым затылком, который якобы совершил убийство супруги и дочери Алоизия Кары, известен нам только со слов Кары-младшего, – спокойно выдержал взгляд генерала Владимир Иванович Лебедев. – А был ли он на самом деле – очень большой вопрос.

– Вы полагаете, что это сын убил мать и старшую сестру и навеки покалечил младшую, если она, конечно, еще выживет? – напрямую спросил Трепов. – Да как такое возможно?

– Я тоже задаюсь все время этим вопросом, – промолвил начальник сыскного отделения. – И тоже не нахожу на него ответа. Хотя история знает подобного рода примеры...

– Только не нужно мне цитировать Библию, господин коллежский советник, – хмуро посмотрел на Лебедева Трепов. – И про нравы дикарей мне здесь рассказывать не стоит. Мы живем не в дикие времена, когда стариков, когда они начинали мешать жить молодым, травили ядом или сталкивали с обрыва на острые камни...

– Я имею в виду вовсе не библейские сюжеты и не истории из жизни диких племен, ваше превосходительство, – бодро парировал Лебедев. – Взять, к примеру, дело поручика Жукова...

– Что за дело? Когда оно было? Почему не знаю?

– Дело поручика Жукова, ваше превосходительство, велось чуть более века назад, – ответил Лебедев, усмехнувшись про себя. – Кстати, во времена императрицы Екатерины Великой, в век просвещенный и весьма благоприятный для России, – добавил Владимир Иванович со значением и посмотрел на обер-полицмейстера, ожидая получить разрешение на дальнейший рассказ. Легким кивком головы Трепова это разрешение было получено, и Лебедев вдохновенно продолжил: – Преступление для тех времен было из ряда вон выходящим и на первый

взгляд тоже необъяснимым: гвардии поручик Жуков при полном отсутствии мотива – по крайней мере, следствие так их и не выискала – убил свою мать и сестру. Помогала ему в этом, и весьма деятельно, его жена...

– Я, кажется, что-то слышал об этом деле, – раздумчиво произнес генерал Трепов, но деталей, очевидно, не вспомнил и снова кивнул: дескать, слушаю вас...

– Так вот, мотива такому преступлению следствие не нашло, но, поскольку факт злодеяния был налицо, причем поручик и его супруга в преступлении полностью сознались, надлежало применить наказание. А ввиду того, что случай этот был крайне незауряден и не имел прецедентов, юстиция встала в тупик касательно меры наказания такому «сверхпреступлению», как оно именовалось в документах того времени. О таком положении дел было доложено императрице. Екатерина Алексеевна решила послать запрос в Синод: случались ли такие преступления в истории и какое наказание понесли преступники, совершившие их. Священный Синод собрал нужные материалы и ответил императрице, что да, подобного рода преступления в истории случались, и привел примеры наказаний, которым подвергались такие убийцы...

– Например? – спросил Трепов.

– Например, распинали на кресте, – ответил Владимир Иванович. – Китайцы за подобного рода преступления разрезали человека заживо на части, персы отрубали у преступника кусочек за кусочком, начиная с пальцев, потом кисти руки, потом всей руки... Во Франции во времена Наполеона и даже позже за такие злодеяния казнили, но вначале подвергали отрезанию кисти. Отцеубийцам, неким Пленье и Корбоно, в одна тысяча восемьсот тридцать втором году вначале отрубили кисти рук, а потом их гильотинировали. Еще убийц матерей в разных странах сажали на кол, четвертовали, топили, сжигали и вешали. Не церемонились, словом...

– И Святейший Синод обо всем этом доложил императрице? – то ли ухмыльнулся, то ли нахмурился Трепов.

– Доложил, – ответил Лебедев. – И приписал, что-де в случае с поручиком Жуковым и его супругой Синод считает, что лучше всего, мол, дать им возможность раскаяться в совершенном злодеянии, и с христианской точки зрения такое решение будет наиболее правильным... Императрица согласилась с предложением Синода и велела заключить чету Жуковых в разные монастыри: самого – в каземат Соловецкого монастыря, а его супругу – в монастырь Вологодский. В конечном итоге поручик Жуков, не вынеся сей не прекращающейся пытки одиночеством и неволею и, возможно, снедаемый раскаянием, повесился, удавившись в петле, изготовленной из разорванной в лоскуты исподней рубахи...

– Возможно, мать и сестра чем-то мешали супругам Жуковым, вот они и решили таким образом выйти из положения, – после раздумий произнес обер-полицмейстер, выслушав рассказ Лебедева о деле поручика Жукова. – А чем могли мешать Александру Каре его мать, потакающая ему во всем, и младшие сестры? Мотивов ведь для такого проступка у него не имеется?

– Да, ваше превосходительство, – поспешил с ответом Владимир Иванович. – Мотивов для совершения такого злодеяния Александром Кара нами *покуда* не обнаружено...

– Я вот еще чего не возьму в толк, – опять с сомнением произнес Дмитрий Федорович. – Если он такой умный и у него хватило воли убить собственную мать и двух сестер, то как он мог забыть о колуне? Зачем притащил его на кухню? Чтоб его заподозрили в совершенном злодеянии? А потом, эта прислуга доктора...

– Бородулина, – подсказал генералу Лебедев.

– ...Бородулина, она же слышала, как хлопнула парадная дверь.

– Кара мог кинуться к двери, толкнуть ее и потом бегом подняться по ступенькам на второй этаж, – заметил начальник сыскной полиции.

– Вот и я о том, – строго посмотрел на Лебедева Дмитрий Федорович. – Как такой умный и предусмотрительный убийца мог оставить колун в кухне? Он ведь мог бросить его в комнате, где нашли обеих сестер, и все было бы шито-крыто.

– Может, он все-таки запаниковал, – нерешительно произнес Лебедев. – Он еще очень молод... Потерял на время контроль над собой, забылся. Мать и сестры все-таки...

– Нет, – решительно произнес Трепов. – Не вяжется у вас с этим младшим Карой. Совсем не вяжется... Кстати. – Он полез в боковой карман кителя и достал серебряный портсигар: – Вот, совсем недавно приобрел. И вы не поверите: я тоже не помню, где его купил...

Впрочем, усилиями Владимира Ивановича Лебедева Александр Кара, как и Иван Гаврилов, был «оставлен в подозрении». Явных улик не имелось ни против Гаврилова, ни против Кара, и дело с формулировкой «ненахождение виновных» заглохло. Теперь найти таковых предстояло судебному следователю по наиважнейшим делам коллежскому советнику Ивану Федоровичу Воловцову. И задача эта, следует признать, была не из легких...

Глава 2

Не в свои сани не садись, или Откровенность тоже есть ложь

Чужая душа – потемки...

Смысл этой поговорки, а точнее, глубинный ее смысл Иван Федорович уяснил уже давно, как только столкнулся с людскими душами на следственном поприще. Мало того, потемки – некоторые души, с которыми приходилось иметь дело судебному следователю Воловцову, – были настоящим мраком, где таились такие чудища, что не приведи Господь.

Черными и мерзкими были души тех трех злодеев, которые ни за что ни про что убили шестилетнего мальчика Колю Лыкова, отрезав перед этим у него, еще живого, руку, ибо, по поверью, рука невинного младенца, отнятая у него еще при жизни, охраняет воров от поимки.

Черной была душа управляющего имением графа Вильегорского господина Козицкого, что порешил из-за денег главного управляющего Попова, честнейшего и порядочнейшего человека, приехавшего к нему с финансовой визитацией от графа.

Некуда было ставить клейма на душу и тело Анастасии Чубаровой, сожительницы управляющего имением Козицкого, несомненно, принимавшей участие как минимум в сокрытии трупа Попова, а может, и подбившей Козицкого на его смертоубийство с целью завладеть деньгами, собранными с имений графа Вильегорского.

Воловцову так и не удалось привязать Чубарову к делу об исчезновении главного управляющего имениями Попова, о чем судебный следователь по наиважнейшим делам сожалел и по сей день. Не хватило ему тогда улики против нее, выкрутилась, змеюка. Но что по ней плачет каторга, в этом у Ивана Федоровича не имелось никаких сомнений.

Непроходимым мраком была наполнена душа дворника Нурмухаметова, насильовавшего женщин, а затем убивавшего их и разбивавшего до неузнаваемости их лица.

А вот души Ивана Гаврилова, бывшего сидельца исправительного арестантского отделения, судебный следователь по наиважнейшим делам Воловцов понять никак не мог.

Вроде бы мужик как мужик. Смекалистый. Хозяйственный. Чувствовалась в нем такая мужицкая жилка. Домишко у него в Божениновском переулке на вид был неказистый, но во дворе кудахтали куры, гоготали гуси и хрюкал в хлеве откормленный поросенок.

Иван Федорович, перед тем как снять показания с Гаврилова, навел о нем справки и узнал, что дом Гаврилову достался от отца Степана Евдокимовича, приехавшего из села Зубово на заработки и едва не вышедшего в гильдейные купцы. Устроился вначале Степан Гаврилов сподручным к подрядчику по строительной части. Быстро приобрел навык и умение в работе. Верно, смекалка у Гавриловых была в роду. Подворовывал, конечно, помалу строительными материалами, а потом, окрепнув, открыл торговлишку кирпичом, тесом, строганым брусом и оконными рамами. Дело шло весьма бойко, ежели смог Степан Евдокимович вскоре прикупить усадьбу в Божениновском переулке, с домишком, дворовыми постройками и садом в два десятка яблонь, урожай от которых также шел на продажу. И все бы ничего, да нашла на семью Гавриловых нежданная хворь-напасть: вначале преставилась супруга Степана Евдокимовича Аполлинария Прохоровна, еще совсем молодая женщина, иссохнув, словно щепка, а потом отдал богу душу и сам хозяин, так же истаяв, словно восковая свечечка в палящий день. Ваня, единственный сын, остался один в большом городе, в котором до него никому не было дела.

Нет, он не пропал, сдюжил, хотя лишился родителей в шестнадцатилетнюю пору, в возрасте, когда особенно остро нуждаешься в добром слове, в поддержке близких людей. Остался наедине с чуждым миром, полным соблазнов и опасностей. Сумел претерпеть беду и многочисленные горести, потихоньку свернул отцово дело, не потеряв ни гроша, но приобретя алтын, то

бишь распродал оставшийся тес, брус, кирпич и прочий товар вполне прибыльно. Словом, жить было можно. Помимо прочего, двор был полон всякой живности, за которой требовался глаз и уход. Правда, гнедого конягу и телегу, на которой Степан Евдокимович самолично доставлял заказчику товар, пришлось продать (тоже не продешевив), но все остальное было сохранено и даже слегка приумножено. Более того, для надзора за хозяйством нанял Иван работницу и экономку в одном лице, без двух годов тридцатилетнюю рябую девку Груню, и по сей день пребывавшую в целомудрии, которая сохранила все его хозяйство, одинаково как и собственное девичество, покуда он отбывал срок в исправительном арестантском отделении.

Попал Иван в арестантские роты, можно сказать, по собственной глупости. А глупостей или ошибок, что содеял Гаврилов в своей жизни, по большому счету, было всего-то две. Но о них судебный следователь по наиважнейшим делам Иван Федорович Воловцов знать не мог...

Первая ошибка – это когда Иван сел играть в фараона с Коськой Евграфовым, про которого говаривали, что он в карты лукавит. Однако за руку его никто и никогда не ловил, а Коська на неприятные вопросы, важно оттопырив губу, отвечал, что это всего лишь слух, пущенный его недоброжелателями и завистниками на его счастливую фортуна.

– Ну, везет мне в картишки, робя, – говаривал Коська своим приятелям, в коих какое-то время ходил и Иван. – Что я могу с этим поделать, как не попользоваться таким фартом?

Везло в карты и Ивану. Поигрывал он в картишки по молодости лет. Только Гаврилов играл честно и не передергивал, а вот Евграфов жульничал нещадно. Ну и профукал Коське две сотни, столь нужные в его немалом хозяйстве...

Слава богу, что, когда он их принес, хватило разуму не отыгрываться. Молча отдал деньги шулеру и на его предложение «сыграть по маленькой» ответил сквозь зубы:

– Не желаю.

С той поры карт в руки Иван не брал, одинаково как и в рот – водки...

Вторую ошибку Иван совершил, когда ему стукнуло двадцать два года.

Что за ошибка?

Да очень простая: парень влюбился.

Конечно, все влюбляются, и даже если любовь не становится взаимной, никакой жизненной ошибкой такая напасть не считается, наоборот, часто оставляет в душе теплый след. Это – как желтуха или скарлатина в детском возрасте, которой нужно непременно переболеть, чтобы выработать в организме иммунитет к большим страданиям. После чего – прощай, отрочество, и наступает пора серьезного взросления.

Ошибка заключалась в том, что влюбился Иван Гаврилов в девушку не своего круга. То бишь в барышню. Ежели выразиться иносказательно – сел не в свои сани.

Ведь он кто? Крестьянин и сын крестьянина с тремя начальными классами образования, полученными в церковно-приходской школе. И еще – волею провидения проживающий в Первопрестольной столице, в доме, мало чем отличающемся от крестьянской избы в какой-нибудь деревне Горелые Пни или Мокрая Выпь. А та, которая лишила его сна и перевернула всю жизнь, была дочерью горного инженера, столбовой дворянкой, играла на фортепьянах, сочиняла стихи и посещала высшие женские курсы Герье.

Познакомились они в кондитерской, вернее, у входа в кондитерскую. На улице шел дождь, и Ксения случайно задела его зонтиком и поцарапала щеку. Платочек, который она дала ему, чтобы он вытер капельку крови, проступившую на щеке, пах жасмином и еще чем-то необъяснимым, что всколыхнуло его юношескую душу. Так бывает, когда счастье нечаянно коснется вас своим легким трепетным крылом. А точнее, обдаст легким дуновением своих крыльев.

У него хватило смелости не только поблагодарить, но и представиться по всем правилам.

– Разрешите представиться, – произнес отрок подсевшим от волнения голосом. – Иван.

– А по батюшке как? – весело спросила девушка, не без интереса посматривая на парня.

– Степанович, – не смутившись, ответил Гаврилов.

– Ксения Викентьевна, – произнесла девушка и подала невесомую ручку.

Иван пожал ее вначале, потом же, неловко наклонившись, поцеловал.

– Вы приезжий, Иван Степанович? – спросила Ксения.

– Нет, я местный, – быстро ответил Гаврилов и поправился: – Коренной москвич.

Наверное, он показался ей занятым. Эдакий крепкий парень в полосатом крестьянском спинжаке и косоворотке с расстегнутыми пуговицами и с мокрым чубом, не знавшим гребня – пригладил пятерней, и полный порядок! Таких мужчин в ее круге не было, а те рафинированные студентики, что числились в ее поклонниках, не шли с ним ни в какое сравнение. Ей надо было спешить на лекцию, но уходить положительно не хотелось. Медлил и Иван, переминаясь с ноги на ногу.

– А-а-а... вы... – произнесла было Ксения Викентьевна и запнулась. Она не знала, что добавить. – Ну, мне пора, – наконец сказала она и сделала шаг в сторону.

– А платок? – нерешительно спросил Иван, комкая ее платочек в руках. – Давайте я вам его занесу... как-нибудь. Простиру и принесу...

– Оставьте его себе... Впрочем, занесите, если хотите. – Ксения посмотрела на Ивана, потом перевела взгляд в сторону и сказала то, что еще четверть часа назад ни за что бы не сказала ни одному незнакомому мужчине: – Я живу с маман в доме Семеновой на Зубовском бульваре. Знаете?

– Знаю, – ответил Иван.

– А кто такая Семенова, вы знаете? – с хитринкой посмотрела на парня девушка.

– Нет, – честно признался Гаврилов.

– Это знаменитая в прошлом актриса Александринского театра, не единожды воспетая Пушкиным в своих стихах. Кто такой Пушкин, вы, надеюсь, знаете?

– А то! – улыбнулся Иван. – Это самый знаменитый русский поэт. Он – гений!

– Вы правы. – Ксения внимательно посмотрела на Ивана: – А хотите, я вам прочитаю свои стихи?

– Вы сочиняете стихи? – округлил глаза Гаврилов.

– Сочиняю, – не без гордости проговорила Ксения. – Конечно, мои стихи не такие, как у Александра Сергеевича, но рифма и чувство, как считают... некоторые, в них тоже имеются.

– А кто считает? – не очень вежливым тоном спросил Иван.

– Костя Бальмонт... Константин Дмитриевич то есть... – опустив взор долу, призналась Ксения.

– А это кто, тоже поэт? – отчего-то посмурнел Иван. Кажется, он уже ревновал Ксению. – Я вижу, вы знаете всех этих поэтов...

– Ну уж, так прямо и всех, – зарделась Ксения. – Но некоторых знаю. Константин Дмитриевич – очень большой поэт... Он еще довольно молод, но уже так много сделал в жизни... Так вы хотите послушать мои стихи или нет?

– Очень хочу, – просто ответил Гаврилов.

Ксения на мгновение закатила глаза, словно школьница, вспоминая урок, и нараспев продекламировала:

Есть у меня одно желанье:
Не ссориться с самой собой,
От добрых – заслужить вниманье,
И подружнее жить с судьбой;

Быть ласковой и благосклонной,
И в свете жить с людьми уметь,

Шутливой быть, и быть спокойной,
И сердце доброе иметь.

Она закончила и вопросительно посмотрела на Ивана:

– Ну, что скажете?

– Я-а-а... – протянул Гаврилов, не найдясь с ходу, что и ответить. Не хватало слов. Но зато внутри было в избытке того, чему слов до сих пор еще не придумано...

– Ясно, – резюмировала Ксения. – Вы не совсем разобрали, так?

– Не совсем... – кивнул Иван.

– Правильно. Нельзя судить о качестве стихов по двум четверостишьям. Значит, так, – она твердо посмотрела на Гаврилова, – вы, Иван Степанович, приходите ко мне в пятницу, в шесть вечера.

– Хорошо, благодарствуйте. И платочек аккурат вам тогда возверну, – обрадовался Иван.

– Вот и славно. До встречи.

И она ушла, оставив после себя все тот же необъяснимый запах возможного счастья...

Он пришел. В пятницу, ровно в шесть пополудни.

Приоделся, благо, было во что. Платочек Ксении он выстирал и выгладил так, что тот стал свежее и глаже, нежели в тот момент, когда он принял его из рук девушки.

– Вот, – сказал он, протягивая платок, когда прислуга проводила его в гостиную и Ксения подошла к нему с улыбкой. – Еще раз премного благодарен...

– Пустое! – Она легонько тронула его за рукав и указала на стул возле низенького столика с драконами, исполненного явно в китайском стиле. В начале века разные китайские вещи: крохотные столики, циновки или безделушки в виде качающихся головами пузатых болванчиков – стали очень модными и пользовались в открытых домах большим спросом.

Иван присел на краешек стула и только теперь заметил, что в гостиной он не один. Несколько мужчин стояли группками возле зашторенного окна и тихо переговаривались. На кресле в углу сидела какая-то старушенция и лорнировала проходящих мимо нее гостей Ксении долгим пристальным взглядом. Так же она посмотрела через лорнет на Ивана, отчего Гаврилову сделалось на время как-то особенно неуютно. Точно так, будучи годов шести от роду, он чувствовал себя в больнице, куда его привез на извозчике отец и где, заставив догола раздеться, его осматривали с ног до головы в присутствии сестры-нянечки два бородатых мужика, ощупывая холодными пальцами... Худющая очкастая девица возле рояля курила длинную папиросу и оглядывала всех презрительным взглядом метрессы, которая знает всё и вся. Словом, публика в гостиной Ксении была весьма пестрая...

А потом началось...

Точнее, вначале горничная разнесла всем посетителям кофей в крохотных чашечках с маленькими серебряными ложечками. Пивать кофей Ивану доводилось, правда, всего два раза в жизни. И оба раза – в той самой кондитерской, у входа в которую Ксения поцарапала его своим зонтиком. Кстати, зонтик тоже был с драконами, красными и желтыми, которые смотрели в разные стороны, высунув языки, похожие на змеиные жала.

Он выпил свою чашечку одним махом. Кофе был вкусный, если принимать за вкусовую оценку жесткую резкую горечь и непонятный острый запах. Другие пили из чашечек маленькими глоточками и, смакуя, покачивали головами. Точь-в-точь как пузатые китайские болванчики.

А после кофея все и началось. Один за другим гости выходили в центр залы и, кто громко и заунывно, словно скорбя о покойнике, а кто шепотком и с нарочитой хрипотцой, декламировали свои стихи...

По привычке, взятой нами летом,

Каждый день по саду мы бродили
И смеялись весело при этом,
Много тем ненужных находили...

Какой-то пухлый юноша, еще мальчик, пунцовая щечками, продекламировал:

Как много я мечтал, как много я хандрил,
Как много пролил слез я в жизненной юдоли...

«Ого, – подумал Иван, оглядывая паренька. – Как ему, однако, досталось в жизни. И когда только он успел горюшка-то нахлебаться... А с виду и не скажешь. Бурчук!»

Молодой мужчина с большим высоким лбом и пышными «жандармскими» усищами громко декламировал:

Адам! Адам! Приникни ближе,
Прильни ко мне, Адам! Адам!

Его слушали, затаив дыхание. Последние строки его стиха вызвали громкие рукоплескания:

Как плод сорвал я, Ева, Ева?
Как раздавить его я мог?
О, вот он, знак Святого Гнева, —
Текущий красный, красный сок...

Особенно неистовствовала худющая девица в очках. Она даже громко выкрикнула:
– Браво!

Ксения же зарделась, щеки ее возбужденно покраснелись, и она искоса посмотрела на Ивана: понял ли он, о чем была речь. Иван понял, поскольку у него горели не только щеки, но даже уши...

Потом читала свои стихи худющая девица. Заунывно, нараспев и невероятно громко. Однако ее стихи Ивану так же понравились. Может, это произошло потому, что строки были созвучны тому, что творилось в его сердце?

Неугаси-и-имою лампа-а-адой
Гори-ит любо-овь в душе-е мое-ей.
Она-а мне ве-е-ерная отра-а-ада
От бу-урь жите-ейских и страсте-е-ей...

А вот стихи Ксении Иван слушал с упоением. Они были о мечтах, о счастье, которое живет за линией горизонта и которое люди ищут и, как это ни удивительно, иногда находят. Но, овевая их легким манящим ветерком, счастье ускользает из их рук, как осклизлый угорь из рук неопытного рыбака, и снова скрывается за линией горизонта, к которому опять и опять устремляются люди. Собственно, и вся жизнь есть погоня за счастьем, призрачным и неуловимым...

– Ну, как, вам понравились мои стихи?

Иван хотел ответить, что ее стихи были лучшими из всего, что он сегодня слышал, что сама Ксения – лучшая из всех девушек на свете, что она для него и есть это непостижимое и неуловимое счастье, которое живет за линией горизонта и которое единицам из людей все же

удается на какие-то мгновения поймать, но у него не доставало слов. Или не хватило духу для столь откровенного признания, и он просто ответил:

– Да, понравились. И даже очень...

– Правда? – засветилась лицом Ксения.

– Правда.

– А Валерий Яковлевич говорит, что они сыроваты...

– Кто это Валерий Яковлевич? И что он понимает в стихах! – всерьез возмутился Гаврилов. – Сыроваты ему стихи, видишь ли... А сам он сумеет написать такое?

– Валерий Яковлевич – это Брюсов, – слегка улыбнулась девушка. – Это тот самый, что стихи про Адама и Еву сочинил... Он в стихах все преотлично понимает, можете мне поверить... – потупив глаза, добавила она. – А как вам тема, которую он затронул в своих стихах?

– Тема-то? – Гаврилову не удавалось поймать взгляд Ксении. – А что, – он невольно кашлянул, – вполне жизненная тема... Такое случается...

А потом она проводила его до дома. Сама изъявила желание. Захотела посмотреть, где он проживает. Они шли под ручку, и описать то состояние, каковое в тот момент испытывал Иван, не достало бы слов у самого сочинителя злободневных романов господина Боборыкина. Или даже у его сиятельства графа Салиаса. И то ли почудилось, то ли взаправду коснулось счастье своим крылом Ивана, но на данный момент было именно так...

Их встречи не стали регулярными, но от этого были лишь более значимыми для Ивана.

То, что творилось с Гавриловым, было ясно и звалось емким словом «любовь». А вот что испытывала к нему Ксения? Он не раз задавал себе подобный вопрос, а однажды решился задать его Ксении, правда, в завуалированной форме. Говорили о стихах, о чувствах, которые они вызывают, и Иван, выждав момент, сказал:

– Стихи, конечно, стихами и красиво, и душу бередают, и все такое прочее... Но мне душу бередите вы, Ксения Викентьевна. И я не знаю, как мне жить дальше...

Ксения взглянула на Ивана и замолчала. Не нужно, наверное, было этого ему говорить, поскольку после того, как были произнесены эти слова, их встречи стали происходить все реже и реже. А потом она сказала, что между ними ничего быть не может. Сама сказала. Словно отвечая на тот вопрос Ивана. Откровенно, честно и очень больно...

– Но почему?! – едва не взвыл от горя Иван.

Вопрос, который в подобной ситуации задавал едва ли не каждый мужчина, не всегда находил понимание и откровенный ответ со стороны обожаемой женщины. Не нашлось слов и для раненого сердца Ивана. Ксения промолчала, только как-то странно посмотрела ему в глаза, ну, примерно так, как смотрят взрослые на детей, и передернула плечами...

Настанет день, и ты меня поймешь,
Но, признаюсь, сейчас мне горько очень.
Надолго этот день, наверное, отсрочен,
Из откровенности пока выходит ложь.

А знаешь, из окна мне виден горизонт за пашней,
Видны заката алые тона,
И тает день, как таял день вчерашний...
Дорога серая видна.

Какая тишина лежит в объятьях сада,
Как вечер тающий безгласен и хорош!
Я у него учусь молчанью. Так и надо.
Из откровенности выходит только ложь.

Эти стихи были вложены в почтовый конверт, который принес в один из воскресных дней шустрый мальчишка:

– Барышня с Зубовского бульвара вам велели передать... А еще просили более ее не беспокоить.

Больше не было написано ни строчки. Это означало конец счастью, и без того зыбкому и мимолетному.

А однажды он увидел ее и того высоколобого с усищами, который читал стихи про Адама и Еву. Они выходили из кондитерской, той самой, у входа в которую он столкнулся с Ксенией. Высоколобый что-то нежно нашептывал на ушко девушке, а она в ответ счастливо улыбалась. Ей было щекотно от его усов, но она не отстраняла лица...

Потом была яркая вспышка. Так мгновенно загорается ярость, которую уже не потушить и не удержать. Не помня себя, Иван набросился на усатого, повалил его и стал душить. Тот сопротивлялся, что более усиливало ярость Ивана. Он не слышал свистка полицейского, не чувствовал, что кто-то с силой тянет его назад за плечи, и только почувствовав удар, обернулся. Это полицейский огрел его своим кулаком по затылку. Иван с детства был приучен давать сдачу и ответил полицианту «от всей души». Да так, что своротил ему набок челюсть и повредил глаз. Потом прибежали еще двое служителей порядка и благочиния, так же худо пришлось и им. А затем его повязали и повезли сначала в полицейский участок, а оттуда – в следственную тюрьму. На суде, принимая во внимание его состояние ажитации, ему дали три с половиной года и упрятали в исправительное арестантское отделение. А ведь могло быть и гораздо хуже.

После этого Иван озлился на весь мир. И то, что творилось у него на душе, не всегда было понятно и ему самому. Куда уж до нее посторонним, пусть даже и судебным следователям по наиважнейшим делам...

Первым, кого Воловцов вызвал в свой кабинет после того, как ему поручили расследовать дело о двойном убийстве, был Гаврилов. Кое-что из личной жизни подозреваемого Ивану Федоровичу было уже известно, а потому он полагал значительно продвинуться в расследовании. Посадив Гаврилова напротив себя на большой деревянный табурет, заговорил:

– Я бы хотел, чтобы вы вспомнили весь день пятнадцатого декабря прошлого года. Как вы его провели, что делали, с кем виделись.

– Нешто я могу помнить, что было без малого год назад? Вы, однако, шутник, господин следователь, – иронично проговорил Гаврилов и прямо посмотрел в глаза Воловцову. – Вот вы, к примеру, сможете припомнить, *как вы провели, что делали и с кем виделись*, скажем, четырнадцатого марта прошлого года? – почти повторил он слово в слово вопрос судебного следователя.

– Если того потребуют важные обстоятельства, мне *придется* вспомнить, – ответил Иван Федорович, сделав ударение на слове «придется». – И вам придется, поскольку я задаю вам этот вопрос не из праздного любопытства. Тем более что на подобный вопрос вы уже отвечали начальнику московского сыска господину Лебедеву...

– Отвечал, – невесело согласился Гаврилов. – Только это было год назад. И с тех пор утекло много воды. Тогда я помнил, а сейчас нет.

– Ну, не так уж и много, – сдержанно заметил Воловцов. – Кроме того, если вы не хотите на свою голову неприятностей, то вам *придется* мне отвечать...

– А что, открылись новые обстоятельства этого дела? – издевательски понизил голос до шепота Иван и даже приблизил свое лицо к лицу Воловцова. И в глазах Гаврилова Иван Федорович увидел злые огоньки. Так, верно, светятся глаза у волка, когда он выходит на охоту в голодную пору...

«А не прост этот Ваня, – подумалось Ивану Федоровичу. – Знает юридическую терминологию и вполне к месту пользуется ею. Впрочем, он мог «подковаться» у воров, когда отбывал срок в исправительном арестантском отделении...»

– Вы имеете в виду дело о двойном убийстве в доме Стрельцовой? – спросил Воловцов как можно спокойнее.

– Это не я. Это *вы* имеете в виду это дело, – криво усмехнулся Гаврилов. – Так вот, заявляю вам, что к этому и прочим *убийствам* я не имею и никогда не имел никакого отношения...

– Тогда вам не составит труда ответить на мои вопросы, – как можно благоднее резюмировал реплику Гаврилова Воловцов. – Итак: как вы провели день пятнадцатое декабря прошлого года?

– А вы разве не ознакомились с протоколом моего допроса? – спросил Иван, скрипнув табуретом. – Там же все подробненько так расписано!

– Ознакомился, – ответил Воловцов. – Но допрос этот снимал не я, и потом, бумага – далеко не живой человек, мне хотелось бы самолично все услышать от вас.

– Ну, а мне к протоколу добавить нечего... – буркнул Гаврилов.

– Это мы еще поглядим, – заметил Иван Федорович и вдруг резко спросил: – Кто может подтвердить, что в половине девятого вечера, плюс-минус четверть часа, вы находились дома?

– Я уже вам сказал, что добавить к протоколу мне нечего...

– А я еще раз спрашиваю, – Иван Федорович начинал уже злиться. – Кто может подтвердить?

– Груня может подтвердить! – почти выкрикнул Иван.

– Эта ваша работница?

– Да!

– Вы сожительствуете с нею? – поднял на допрашиваемого взор Иван Федорович.

– Что?!

– Я спрашиваю, вы сожительствуете с нею? – Воловцов свел брови к переносице, напустив на себя (как ему самому казалось) непримиримую строгость.

– Нет, – ответил Иван. И... соврал. Груня уже не была девственницей. С той самой поры, как Иван вернулся из арестантского отделения. Он не был наполнен радостью освобождения, что обычно происходит с сидельцами, отбывшими немалый срок в заключении. Не вздыхал полной грудью воздух свободы. Не бросился в загул с приятелями, вином и девками, чтобы хоть немного компенсировать потерянное время и удовольствия. Ничего такого не было и в помине! Иван вернулся из арестантских рот злой. С ненавистью, кипящей у него внутри, как строительный вар в чугунном котле.

Что он сделал, выйдя на свободу?

Пришел домой.

Поел сваренную по случаю его возвращения куриную лапшу.

Выпил стопку водки, поднесенную Груней. И молча завалил ее тут же, в столовой, на некрашенный дощатый пол. Все остальное он тоже проделывал молча, изредка скрипя зубами. Молчала и Груня, тараща на него глаза с белесыми ресницами.

Имел он ее жестко, без ласки, по-звериному. Как бы мстя в ее лице всем женщинам мира, от коих мужикам все беды. И в первую очередь, мстил Ксении...

– ...ее показания для следствия весомого значения не имеют, поскольку она целиком и полностью зависит от вас, – донесся до слуха Гаврилова голос судебного следователя по важнейшим делам. – Вспомните, может, еще кто-то вас видел? Или мог видеть?

– Да никто меня больше не видел, кроме еще моего пса, – отмахнулся от следователя как от назойливой мухи Иван. – Можете поспросать у него... Вам это надо, вот вы и заботьтесь. А мне – не надо. Я никого не убивал...

– Хорошо, мы будем искать, – заверил его Воловцов. – А вы знаете Александра Кару? Сына и брата убиенных женщин. Знакомы с ним, доводилось видеться? – неожиданно спросил Иван Федорович.

– Ну так... немного знаком, – слегка оторопел от неожиданного вопроса Иван. – Живем мы недалеко... Да, виделись несколько раз...

– Виделись, это хорошо, – Воловцов что-то черкнул в своей памятной книжке. – И что вы можете о нем сказать?

– Я? – снова опешил Гаврилов.

– Вы, – утвердительно произнес Иван Федорович и огляделся: – А что, кроме нас с вами, здесь еще кто-либо есть?

Иван был сбит с толку. Пыл его как-то незаметно улетучился, злость на время поутихла, верно тоже удивляясь такому повороту событий в допросной беседе.

– Что я могу сказать... – задумчиво пробормотал он. – Ну что, парень как парень. Культурный. Улыбчивый такой. Здоровается всегда при встрече первый...

– А еще что? – вопросительно посмотрел на него Воловцов. – Вы же человек, скажем так, опытный, характер другого человека можете определить с ходу... – немного польстил он бывшему арестанту, уже понимая, что сбил спесь с Гаврилова и какой-никакой, но общий язык с ним удалось наладить.

– Не-е, – протянул Иван. – С ходу сказать про характер человека, с коим не шибко знаком, я не могу.

– И все же, Иван Степанович, постарайтесь пусть поверхностно, но как-то охарактеризовать Александра Кару, – скорее попросил, нежели настоял Воловцов.

– Мутный он какой-то, – после некоторого раздумья произнес Гаврилов, слегка поморщившись. – Вроде бы веселый, девок любит, разговорчивый, а что-то в нем есть такое... внутри... Как вам и сказать-то, не знаю... Вот, к примеру, говорит он с вами, а думает всегда о чем-то своем, а совсем не о том, что говорит... Нет, больше ничего не могу сказать. Одно слово: чужая душа – потемки.

– Известное дело, что потемки, – согласился Иван Федорович, еще совсем недавно думающий про чужие души именно так, как этот крестьянин Гаврилов. Вот и про Ивана он думал, что у него черная душа. Ан нет, вроде не черная. Ну, или – не совсем... Белые пятна проступили. А может, все-таки серые? – А вот ты насчет девок обмолвился. Это ты его невесту Смирнову имел в виду?

– А у него уже новая невеста есть? – удивился Иван. – Не ведал...

Услышав про *новую* невесту, Воловцов насторожился...

– Есть... – Он чуть помолчал, поглядывая исподлобья на допрашиваемого. – Верно, и помолвка у них уже была... Так кого ты конкретно имел в виду, Иван Степанович, говоря, что Александр Кара девок любит? – перешел на «ты» судебный следователь. – И что значит – *новая невеста*? Что, была и невеста старая?

– А есть тут одна. Наспротив их живет, в доме профессора Прибыткова. Горничной у него служит...

– Это ты Пашу Жабину имеешь в виду? – поднял брови Воловцов.

– Ее. Что, уже знаете про нее? Бойкая деваха...

– Похоже на то, – согласился Иван Федорович и опять что-то черкнул в своей памятной книжке.

– Он ведь ейным женихом считался, – неожиданно добавил Гаврилов. – В дом прибытковский ходил на правах жениха. Покуда, верно, новую девицу себе не нашел, Смирнову эту...

– Вот как? А в следственном деле ничего про Пашу нет.

– А Паша здесь и ни при чем. И вообще, это к тому делу об убиении жены и дочери господина Кары никакого отношения не имеет, – твердо заявил Иван.

– Как знать, – в задумчивости протянул Воловцов. – Как знать...

Они помолчали. Каждый о своем.

– Ну что, у вас всё ко мне? Закончились вопросы? – снова явно насмешливо спросил Гаврилов.

– Пожалуй, да.

– И я могу идти?

– Можешь. – Иван Федорович посмотрел в глаза Гаврилову и добавил: – И спасибо тебе, Иван Степанович.

– За что же это? – удивился парень.

– За откровенный разговор, – ответил судебный следователь.

– «Из откровенности выходит только ложь», – процитировал Иван. – Будьте здоровы, господин следователь.

– Я не понял... – поднялся со стула Воловцов. – Ты что, все мне наврал, что ли?

– Как можно, господин следователь... – криво усмехнулся Гаврилов. – Я что, враг сам себе?

– А что тогда значат твои слова: «Из откровенности выходит только ложь»? – опять свел брови к переносице судебный следователь по наиважнейшим делам.

– Это стихи... Когда-то слышал...

Глава 3

Девушки тоже переживают, или Тревога тоже бывает разной

Строчка из стихов, процитированная Иваном Гавриловым, поставила Воловцова в тупик.

Ох, не прост этот угрюмый парень. Похоже, что списывать его из числа подозреваемых пока рановато. Правильно, что начальник московского отделения сыскной полиции Лебедев оставил его в подозрении. И что у этого Гаврилова на душе – не разглядеть и при свете свечевой люстры.

Вот какие нынче пошли крестьяне: знают про «вновь открывшиеся обстоятельства», стихи цитируют... Ишь ты!

«Из откровенности выходит только ложь...»

Собственно, про Александра Кару Воловцов спросил, сам того не ведая. Просто сорвалась с языка мысль, которая только что посетила его и не успела оформиться в какой-то конкретный образ. А выдавать себя затаенными мыслями следователю по наиважнейшим делам не следует...

С другой стороны, Иван Федорович понял, что прилетела эта мысль в его голову вовсе не случайно, поскольку ничего случайного на свете нет и быть не может.

Конечно, на убийцу Александр Кара не похож... Как это – разбить головы матери и двум своим сестрам колуном, коим колют дрова? Для этого надобно быть не в своем уме или в крайней ажитации, чего, судя по протоколам допросов, у Александра никогда не наблюдалось.

Душевно Александр Кара здоров. Он ведь не дворник Нурмухаметов с помутившимся рассудком, в конце концов. И мотива у него для убийства родных не имеется. Какой может быть мотив для убийства родной матери или своей малолетней сестры у здорового умом человека? Конечно – никакого. Поэтому допрос молодого человека Иван Федорович решил отложить на потом. Незачем дергать его напоминанием о страшной трагедии в семье. И обитателей дома Стрельцовой он оставил на потом. А вот горничная Паша его сильно заинтересовала. К тому же непременно следует допросить и профессора Прибыткова, который пришел в квартиру Кары буквально через несколько минут после разыгравшейся трагедии...

Иван Воловцов подшил к делу несколько исписанных листков и, вспомнив допрос Прасковьи Жабиной, слегка нахмурился. Кого же напоминает эта барышня? Конечно же, Ирину! Он не забыл ее – девушка тревожила его в снах, не оставляла в покое, когда он находился наедине со своими думами.

Из протокола допроса Прасковьи Жабиной 11 сентября 1903 года...

«ВОЛОВЦОВ: Ваше имя?

ПАША: Прасковья.

ВОЛОВЦОВ: Возраст?

ПАША: Двадцать один год и восемь месяцев.

ВОЛОВЦОВ: Однако вы точны. Родители?

ПАША (с печалью): Сирота я, господин следователь.

ВОЛОВЦОВ: Давно вы у господина Прибыткова служите в горничных?

ПАША: Третий год.

ВОЛОВЦОВ: Вам знаком Александр Кара?

ПАША: Да, знаком.

ВОЛОВЦОВ: Когда и при каких обстоятельствах вы с ним познакомились?

ПАША: А как я стала у господина профессора служить, так и познакомились. На улице, возле дома. Он мне помог белье из прачечной донести (с некоторым оживлением).

ВОЛОВЦОВ: И вы стали встречаться?

ПАША: Да. Гуляли вместе, в цирк два раза ходили. Ивана Заикина смотреть.

ВОЛОВЦОВ: Он бывал в вашем доме?

ПАША: Да, он часто приходил ко мне на правах жениха. Иначе господин профессор не позволил бы мне его принимать...

ВОЛОВЦОВ: Он вам нравился?

ПАША: Да.

ВОЛОВЦОВ: Чем?

ПАША: Он был не жадный. Конфеты дарил... Обещал увезти за границу в Париж. Говорил, что у него есть шесть тысяч, но они куда-то лежат у его отца.

ВОЛОВЦОВ: И вы согласились с ним поехать?

ПАША: Согласилась. Ведь он считался моим женихом.

ВОЛОВЦОВ: А что случилось потом?

ПАША (с сожалением): В том-то и дело, что ничего не случилось. Месяца за два до того, что у них произошло, он стал все реже и реже заходить ко мне. А потом и совсем перестал.

ВОЛОВЦОВ: У вас была с ним близость?

ПАША: А вам это зачем?

ВОЛОВЦОВ: Надо, раз спрашиваю.

ПАША: Да, мы были близки. Но до главного, если вы *это* имеете в виду, не дошло...

ВОЛОВЦОВ: Почему? Вы ему не доверяли?

ПАША: Не то что бы не доверяла... Знаете, чтобы богатый мужчина увлекся горничной – это может быть, но чтобы женился на горничной... Я не знаю... Скорее я не ему не верила, а в то, что у нас с ним может что-то получиться всерьез....

ВОЛОВЦОВ: И приняли выжидательную позицию: получится – хорошо, не получится – так я к этому готова и не сильно расстроюсь. Так?

ПАША: Ну, где-то так. Только когда он нашел себе барышню, я все равно расстроилась. Знаете, девушки тоже переживают в таких ситуациях. Только не носят со своим горем, как с малым дитятей, и меньше это показывают на людях, нежели вы, мужчины...

ВОЛОВЦОВ: Понимаю. А вы знаете Ивана Гаврилова?

ПАША: Это который в тюрьме сидел?

ВОЛОВЦОВ: Да.

ПАША: Знаю. Он недалеко от нас живет.

ВОЛОВЦОВ: Что вы можете сказать о нем?

ПАША (удивленно): Я? Ничего не могу сказать...

ВОЛОВЦОВ: И все же... Какое-то впечатление о человеке, которого вы не единожды видели, возможно, разговаривали с ним, должны же были для себя составить?

ПАША: Ну, не знаю. Он какой-то злой, что ли, и себе на уме.

ВОЛОВЦОВ: А Александр Кара тоже себе на уме?

ПАША (немного подумав): Тоже, пожалуй.

ВОЛОВЦОВ: Как и от кого вы узнали о том, что произошло в доме Стрельцовой пятнадцатого декабря прошлого года?

ПАША: От Натальи Шевлаковой. Она прибежала к господину профессору, чтобы позвать его по просьбе доктора Бородулина в квартиру Кара.

ВОЛОВЦОВ: Где вы были в это время?

ПАША: Во дворе.

ВОЛОВЦОВ: Одна?

ПАША: Нет. Я разговаривала через калитку с Васей, Василием Титовым, лакеем Кара.

ВОЛОВЦОВ: Вы хорошо знаете Титова?

ПАША: Хорошо. Он ведь через дорогу живет.

ВОЛОВЦОВ: Какие у вас с ним отношения?

ПАША: Никаких. Простое знакомство.

ВОЛОВЦОВ: И что было потом?

ПАША: Потом Василий побежал в дом, а через минуту вышел господин профессор и тоже направился к дому Стрельцовой...

ВОЛОВЦОВ: И все?

ПАША: И все.

ВОЛОВЦОВ: А вы почему не пошли с профессором? Мало ли, вдруг ему что-либо понадобилось бы?

ПАША: Я покойников страшно боюсь...»

Профессору Прибыткову было немногим за пятьдесят. Пенсне в золоченой оправе, борода клинышком, строптиво торчащая, барственные манеры и плавная размеренная речь – все выдавало в нем либерального интеллигента, которых в России в начале двадцатого века был целый легион. Они жаждали перемен в государстве, беззлобно критиковали царствующую власть и были не прочь проживать в государстве с конституционной монархией или даже в парламентской республике.

– Нам не хватает свободы, господа, – говорили они друг другу в гостиных и клубах, выпуская изо рта сигарный дым. – Мы без нее просто задыхаемся. Настало время ограничить монархию конституцией, как это давно уже сделано в передовых странах мира.

Потом они плотно ужинали, после чего пили кофей с ромом или французское красное вино и снова курили пахучие кубинские сигары.

После допроса Паши Воловцов поднялся в кабинет к Прибыткову. Он представился, назвал свою должность и чин, сказал о причине своего визита и попросил рассказать о том, что произошло пятнадцатого декабря прошлого года в доме Стрельцовой, то есть о тех событиях, которым профессор лично был свидетелем. Протокол допроса профессора Прибыткова от 15 декабря 1902 года Иван Федорович, конечно же, читал, но хотел услышать все из самих уст медицинского светила и составить собственное мнение. Кроме того, именно по истечении времени, как показывала вся следственная практика Ивана Федоровича, всплывают из памяти весьма значимые мелочи, о которых не вспоминалось ранее...

Нельзя сказать, что профессор был доволен этим визитом, однако бумага, подтверждающая самые высокие полномочия следователя по наиважнейшим делам господина Воловцова, произвела действие, ибо либерализм либерализмом, а порядок в государстве все же должен быть, и человек, совершивший преступление, обязан нести за него установленное законом наказание. Посему на предложение Воловцова ответить на несколько его вопросов Прибытков кивнул и снисходительно произнес:

– Спрашивайте. Куда же я денусь....

– Благодарю вас. – Иван Федорович сделал вид, что не заметил откровенной иронии, и задал свой первый вопрос: – Постарайтесь вспомнить все, господин профессор, события того драматического вечера пятнадцатого декабря прошлого года. Не торопитесь, мне важны самые мельчайшие детали, даже ваши мысли, которые приходили вам тогда в голову.

– Вы думаете, я вспомню мысли, которые посещали меня тогда? – удивленно посмотрел на следователя профессор. – Вы полагаете, это возможно?

– Я не полагаю, – твердо заверил его Воловцов, – я уверен, причем не только по собственному опыту, но и по опыту моих коллег, что, постаравшись, свидетель может вспомнить то, о чем минуту назад даже и не предполагал. Просто вспоминайте и рассказывайте мне о том, как все происходило, что вы видели, что чувствовали и о чем думали. А я буду вас слушать...

– И все? – задумчиво произнес Прибытков.

– И все, – кивнул Воловцов.

– Что ж, я попробую...

На какое-то время профессор замолчал, очевидно, погружаясь мыслями в тот самый день, когда увидел такое, чего еще никогда не видел. И даже не предполагал, что подобное может произойти в цивилизованной стране, стремящейся к прогрессу. А потом начал...

– Я был у себя в кабинете, когда ко мне постучалась моя горничная Паша. Я выпустил ее, и она сказала, что пришли от доктора Бородулина, который проживает в доме Стрельцовой, и что он просит меня срочно прийти на квартиру Кара, где произошло несчастие.

«Что за несчастие?» – спросил я. Паша ответила, что кого-то убили. Я быстро собрался и пришел на квартиру Алоизия Осиповича. Там уже были полицейские. Тут ко мне подошел Александр Кара и стал говорить, что зверски убили его мать и сестру Марту, но маленькая Ядвига, кажется, еще жива. Он провел меня в столовую, где лежала Юлия Карловна с разможенным черепом. Она была мертва, но труп еще не успел остыть. Затем мы прошли в комнату Марты. Картина была ужасающая: Марта сидела за роялем, одна рука ее лежала на клавишах, вторая свесилась, а тело и голова были запрокинуты назад, причем голова касалась пола, и под ней была огромная лужа крови. Я, конечно, видел и трупы, и кровь, но все же невольно содрогнулся. Помню, как мурашки побежали по моему телу. Я вдруг представил, что такое может случиться и с моей супругой и дочерью. Ядвига, младшая из всего семейства Кара, лежала головой к двери. Мне показалось, что она пыталась выползти из комнаты до того, как ее покинуло сознание. Возле нее я увидел доктора Бородулина, занятого перевязкой.

«Вот, сами видите, что тут такое», – произнес он. Я наклонился над бедной девочкой. Она хрипло дышала, как дышат люди, готовящиеся отдать богу душу. У нее был в двух местах проломлен череп и, кажется, задет мозг.

«Она выживет?» – с тревогой спросил меня Александр.

«Не знаю», – честно ответил я, поскольку был поражен тем, что Ядвига еще жива...

– А как он у вас спросил, жива ли Ядвига? – перебил профессора Иван Федорович.

– Что? – еще не вернулся из воспоминаний Прибытков.

– Я спрашиваю, как Александр Кара спросил вас о том, жива ли Ядвига? – повторил свой вопрос Воловцов.

– Ну... как, – задумчиво промолвил профессор. – С большой тревогой, а как еще иначе?..

– А попытайтесь вспомнить, – вдруг понизил голос едва ли не до шепота Иван Федорович, – какая это была тревога?

– Прошу прощения, но я не очень понимаю вашего вопроса. Что вы конкретно имеете в виду?

– Конкретно я имею в виду вот что. – Воловцов выдержал небольшую паузу и произнес: – Тревога тоже бывает разной, сами понимаете... Что, на ваш взгляд, обозначала тревога Александра Кары: он тревожился, что Ядвига умрет, или, напротив, боялся ее выздоровления?

– Вы думаете, что это преступление... – резко вскинул голову Прибытков, – что все это мог сделать Александр? Но это же... нонсенс, господин следователь!

– Я пока ничего не думаю, – заверил его Иван Федорович. – Я просто задал вам вопрос.

– Простите, но ничего определенного по этому поводу я сказать не могу. Я видел в его глазах и слышал в его голосе тревогу. А какая она была и с чем связана, я положительно затрудняюсь ответить...

– Хорошо, благодарю вас. Продолжайте, – кивнул Воловцов.

– Да... Так вот, – после недолгого раздумья продолжил Прибытков. – После осмотра Ядвиги я немедленно приказал везти ее ко мне в университетскую клинику, дабы немедленно приступить к операции по спасению ее жизни. И сам поехал следом. Вот, собственно, и все. – Профессор посмотрел в глаза следователю и замолчал.

– Вы продолжаете наблюдать Ядвигу? – поинтересовался Воловцов.

– Да. Это моя обязанность как врача, а кроме того, случай с ней весьма прелюбопытный для медицинской науки.

– Поясните, – попросил Иван Федорович.

– Ну, как же! – Профессор откинулся на спинку кресла. Теперь между ними двумя он уже был главным и, выражаясь языком шахмат, владел инициативой. – Девочке были нанесены травмы, несовместимые с жизнью. А она – живет, представляете? Случай просто феноменальный. Задет головной мозг, его функции нарушены, нарушена речь, вернее, она полностью отсутствует, из мозга не поступают никакие нервные импульсы, атрофированы все нервные окончания, девочка обездвижена, но продолжает жить. Это переворачивает все представления о свойствах и функциях человеческого мозга и всего человеческого организма в целом. Об этом уникальном случае я написал статью в журнал «Медицинское обозрение», и ее перевели на восемь языков! Сейчас пишу научную монографию, куда непременно войдут все мои наблюдения, касаемые бедной Ядвиги, и надеюсь издать труд в будущем году...

– А имеется хоть какая-то надежда на выздоровление девочки? – спросил Иван Федорович.

– Никакой надежды, – ответил профессор Прибытков, отрицательно покачав головой для убедительности. – Нарушены наиважнейшие функции организма, которые не имеют никаких предпосылок к восстановлению. И не могут их иметь. Им просто неоткуда взяться, говоря простым языком. Если Ядвига будет продолжать жить, то это будет жизнь растения или, как выражаются наиболее циничные врачи-психиатры, овоща.

– А мне можно будет ее как-нибудь навестить?

– Только с разрешения ее родителей, – ответил Прибытков. – То есть отца, – поправился он. – Если Алоизий Осипович ничего не будет иметь против вашего визита к ней, то ничего против не буду иметь и я.

– Благодарю вас, – приподнялся с кресла Иван Федорович. – Вы мне очень помогли.

– Не стоит благодарностей, – опять сделался барски-благодарным либеральный доктор. – Если вы найдете убийцу, это мы все будем благодарить вас...

Глава 4

Вечера танцев приятнее, нежели занятия в училище, или Позвольте представиться...

Свадьба была назначена на рождественские вакации. То есть практически должна была состояться через три месяца. Отец в начале знакомства Александра с Клавдией Матвеевной, да и по прошествии едва ли не полугода, был против не только женитьбы Александра, но и его встреч с девицей Смирновой. Посему Александр, единожды спросив разрешения отца на помолвку и получив отказ, более подобных речей не заводил и разрешения на женитьбу не испрашивал. Юлия Карловна, как могла, утешала любимого сына, но поперек воли мужа пойти не смела и приняла его сторону. Алоизий Осипович желал, чтобы Александр подождал, когда женятся сначала его старшие братья, а потом выбрал бы невесту из их круга и племени, то есть чешку или, на худой конец, немку из семей, которые осели в России и занимались здесь торговыми или промышленными делами. Русские девушки не особенно нравились Алоизию Осиповичу из-за своей независимости и отсутствия слепого послушания, а господин главный пивовар хамовнического пиво-медоваренного завода любил, чтобы женщины ему подчинялись. По крайней мере, его жена и дочери. Ибо, коли отсутствует в семье послушание женщин мужчине, то и семьи как таковой нет, так, видимость одна... Однако потеря обожаемой жены и любимой дочери и несчастье с маленькой Ядвигой сломили его не только телесно – он как-то враз постарел, ссутулился, волосы повылезли, поседели, – но и морально. И когда Александр испросил этим летом разрешения на помолвку с Клавдией Смирновой, отец как-то очень по-русски обреченно махнул рукой и так же по-русски ответил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.